

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 125–131.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 2 (71). P. 125–131.

Научная статья
УДК 321.01
doi: 10.54398/1818510X_2022_2_125

ВЛАСТЬ ПО МОДЕЛИ ГОСПОДСТВА И ПРИЗНАНИЯ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Соловьева Светлана Владимировна

Самарский государственный университет путей сообщения, Самара, Россия
metaphisica2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

Аннотация. Проблема власти по праву относится к вечным вопросам философии, из века в век актуализируя рефлексию представляя самые разные подходы к её решению. В центре внимания статьи находится антропологический ракурс в исследовании власти. Цель работы – рассмотреть власть как ситуацию человека, концептуализированную в категориях господства и признания. В основе использованной методологии лежит синтез экзистенциально-герменевтического подхода (ориентированного на выявление смыслов) и критической теории общества (теории рационального и ангажированного действия). Власть по модели господства рассмотрена на основании идей борьбы за признание в философии Гегеля, Вебера, Кожева, Бурдьё, Фуко, Агамбена, Хоннета и др. Исследование отвечает на вопрос «кто» в ситуации власти, показаны типы и конфигурации субъектов, включенных в производство власти (господин / раб / гражданин, отец / вождь, судья, циник / ироник / простака). На основании обращения к работам Гегеля, Маркса, Ницше, Хоннета, сферы труда и морали представлены как ведущие регионы власти-господства, выделены конфликт моделей «овеществления» и «признания» работника, типы морального признания, их субъектное и институциональное измерение. Опыт и практики признания, взаимного признания в контексте исследования господства, создают условия для рассмотрения власти в нравственно-нормативном аспекте. Подобный взгляд на власть может свидетельствовать о возможном моральном прогрессе общества в истории.

Ключевые слова: власть, ситуация власти, господство, рабство, господин, раб, гражданин, субъект, действие, событие, труд, нравственность, норма

Для цитирования: Соловьева С. В. Власть по модели господства и признания: антропологический аспект // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 125–131. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_125.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

POWER BY THE MODEL OF DOMINATION AND RECOGNITION: ANTHROPOLOGICAL ASPECT

Svetlana V. Solovyova

Samara State Transport University, Samara, Russia
metaphisica2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

Abstract. The problem of power rightfully belongs to the eternal questions of philosophy, from century to century actualizing reflection presenting a variety of approaches to its solution. The focus of the article is the anthropological perspective in the study of power. The purpose of the work is to consider power as a human situation conceptualized in the categories of domination and recognition. The methodology used is based on the synthesis of the existential-hermeneutical approach (focused on the identification of meanings) and the critical theory of society (the theory of rational and engaged action). Power according to the domination model is considered on the basis of the ideas of the struggle for knowledge in the philosophy of Hegel, Weber, Kozhev, Bourdieu, Foucault, Agamben, Honnet, etc. The study answers the question of "who" in the situation of power, shows the types and configurations of subjects included in the production of power (master / slave / citizen, father / leader, judge, cynic / ironic / simpleton). Based on the reference to the works of Gegel, Marx, Nietzsche, Honnet, the spheres of labor and morality are presented as the leading regions of power-domination, the conflict of models of "reification" and "recognition" of the employee, types of moral recognition, their subjective and institutional dimension are highlighted. The experience and practices of recognition, mutual recognition in the context of state research, create conditions for considering power in a moral and normative aspect. Such a view of power may indicate a possible moral progress of society in history.

Keywords: power, situation of power, domination, slavery, master, slave, citizen, subject, action, event, work, morality, norm

For citation: Solovyova, S. V. Power by the model of domination and recognition: anthropological aspect. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 2 (71), pp. 125–131. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_125.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Философские исследования власти поражают своей обширностью и разнообразием, более того давность интереса к проблеме не отменяет её острой актуальности для современной мысли. Среди понятий, определяющих философский смысл власти, ведущим выступает категория господства. Господство как ведущая категория и модель власти обретает свою законченность и полноту уже в традиционном обществе и творчестве Платона – Аристотеля, а спустя несколько тысячелетий Вебер обосновал тезис о легитимности современных форм господства. Власти-господству приписываются характеристики жёсткой иерархичности, связанной с наличием системы управления. Обширная критика этой модели ориентирована на экспликацию таких негативных последствий господства, как отчуждение и самые разнообразные формы эксплуатации (начиная от Маркса, заканчивая квир-теорией). Вместе с тем рассмотрение власти в ситуации господства, конституируемой в жизни каждого человека, позволяет не просто выделить её институциональные определения, но выявить экзистенциальный смысл власти для всех участников [17]. Экзистенциально-антропологическое наполнение ситуации власти-господства находится в центре внимания представленной статьи.

Основная часть

Типы властных субъектов

Для осмысления антропологического аспекта господства необходимо задаться вопросом «кто власти» о том субъекте, который конституируется в ситуации власти. Осмысление субъектности власти-господства издревле была связана с выявлением дихотомии и противостоянием господина и раба. Наиболее известны пассажи Гегеля. Он рассматривает рабство и господство в контексте самостоятельности и несамостоятельности сознания. Собственно самосознание раздвоено («в себе» и «для себя»), а для другого самосознания оно предстаёт как «нечто признанное». Это «движение признания» и составляет саму суть конфликта господина и раба [7, с. 97–98]. Получение господином признанности возможно только через другое сознание: раб не просто создаёт вещь (снимает для себя-бытие, оно остаётся только у господина как его сущность), но занят «деланием» господина, он его и производит. Подобное действие признания оборачивается негативностью, неравностью и односторонностью: господин есть «чистое существенное делание», раб – «не чистое», «несущественное делание» [7, с. 102]. Право на господство приобретает на основе риска собственной жизнью, что и есть очевидный маркер свободы, личности, «чистого для-себя-бытия».

В ранних работах Гегель пишет о господстве как феномене современности: все явления времени свидетельствуют о том, что «человек был превращён в господина, обладающего высшей властью над действительностью» [6, с. 180]. Господство и рабство – это отношение, порожаемое «неравенством жизненной силы», а не правом или владением. Неравенство в потенции, силе предстает как единение противоположностей: «безразличие определённости», субъект, причина, избыток (господин) и различие, нужда, недостаток (раб) [6, с. 305–306].

Другое классическое определение господства принадлежит Веберу, который определяет господство не через фигуру властителя, но через повинующегося («возможность встречать повиновение», «желание подчиняться»). Созидательная сила господства производится не господином, жаждущим власти, но субъектом подчинения, а именно через его желание (интерес, веру) повиновения. Вебер, исследуя власть по модели господства, также идёт от сознания, но не спекулятивно осмысленного, а от «идеального мотива» социального субъекта, субъекта действия. Господство способно создавать веру в его «легитимность», обеспечивать его при помощи управления. Проявлениями легитимности в ситуации господства выступают доверие, святость, авторитет, гарантированность, престиж власти [5]. Если гегелевская модель власти-господства устанавливается в форме борьбы человека с человеком, то у Вебера оно учреждается рутинно либо по договору (выражает себя в управлении посредством бюрократии), либо через подданство (опирается на системы функционирующих в обществе норм и обычаев). Экстраординарный смысл власть-господство приобретает только в отношении к харизматической личности, где наиболее явно действует сила признания.

Символическая составляющая в производстве власти-господства была осмыслена и Бурдьё, который писал о том, что легитимность господства в социальных системах создаётся при помощи символического производства. «Приручение подвластных» связывается социологом с работой символической

власти или способностью символических систем «конституировать реальность», устанавливая «гносеологический порядок» [3, с. 89]. Отношения подчинения и господства невозможны без веры, авторитета, консенсусных смыслов.

Признание – ключевой принцип власти по модели господства – был осмыслен многими европейскими философами и социологами. Уникальность понятия состоит в том, что через опыт и практику признания возможно соединение антропологического, экзистенциального смысла власти, с одной стороны, и институционального измерения управления – с другой [18]. Акт признания конституирует субъектность и институциональную определённость всех участников ситуации власти.

Кожев в XX в., продолжая гегелевский анализ господства, создаёт собственную типологию субъектов властного действия. К «чистым», элементарным субъектам-властителям он относит четыре – отца, вождя и судьи, господина над рабом. Эти чистые типы субъектов власти были концептуализированы в истории философии Платоном, Аристотелем, схоластами, Гегелем. Господин, в отличие от раба, способен преодолеть в себе животное, достигнув состояния «человеческого», выраженного в «тщеславии», желании признания. Господство – это власть разума над природой. Оно выражается через асимметрию властного отношения, в котором никогда нельзя обрести власть над равными, но только на подвластном. Это и делает власть по модели господства специфичной, отличной от власти вождя, например там, где можно управлять равными. Почему раб признаёт власть господина? Кожев производит аналогию между отношениями раб / господин и животное / человек. Раб добровольно отказывается от всякого противостояния, потому что не выдержал напряжения смертельным риском, а значит, понимает, что сопротивление господству чревато. Раб «не желает» этот риск принимать на себя [12, с. 28].

Власть вождя обоснована в философии Аристотеля, её вариантами выступает власть учёного, лидера, офицера, пророка. Здесь субъект обретает власть на основании того, что может видеть лучше и дальше, чем все остальные. Власть судьи осмыслена Платоном. Судья как субъект власти опирается на справедливость, объективность, беспристрастность. Кожев рассматривает этот чистый тип власти как «*sui generis*», способной противостоять / уничтожить другие типы власти. Наконец, отец как субъект власти, «чистый» тип власти обладает универсальностью и обосновывается в теологических концепциях. Здесь человеческая власть рассмотрена как проекция божественной, а значит концептуализуется под знаком абсолютизма, акта творения Бога-Отца [12, с. 26–40]. Таким образом, Кожев пополняет исследование власти-господства в аспекте субъектности, систематизируя опыт европейской мысли по этому вопросу. Несмотря на то, что его рассуждения не имеют прорывного значения, но они важны для расширения поля понимания.

Философ отвергает силовой понимание власти, для него власть исходно признана и легитимна, и этот факт не может вызывать ни сомнения, ни сопротивления всех субъектов-участников ситуации: «Свести Власть к Силе – значит попросту отрицать или игнорировать существование первой» [12, с. 8]. Полагаю, что это философское допущение делает концепцию уязвимой, поскольку уподобляет действие власти божественной воле, которая по онтологическому статусу не идёт ни в какое сравнение с тварным миром. В этой системе рассуждений власть можно уподобить феномену права, который будет существовать вне зависимости от того, в какой степени оно признано теми или иными социальными субъектами. Легитимность власти подразумевает, что любая власть обязательно *признана*: «не признавать Власть – значит отрицать её, а тем самым её уничтожать» [12, с. 19]. Признанность, легитимность – вот главные характеристики власти, в том числе власти-господства у Кожева.

Оригинальной частью аналитики господства в философии Кожева выступает его теория антропогенного желания признания. Как было сказано выше, в диалектическом противостоянии господина и раба у Гегеля признание всегда односторонне и неполно. Антропогенное желание – это желание признания, которое конституирует мир человека, свободы, истории через «непрестанное *ничтожение*». Философ его называет желанием «признания». Ты человек в той мере, в какой признан другими, или «признание одного человека другим» составляет его бытие [11, с. 298]. Поскольку желание признания связано с риском и смертельной борьбой у Гегеля, то противостояние господина и раба не приводит к рождению человека, раб утрачивает человечность, поскольку не получает признания. Кожев выходит из этой ловушки, вводя новую фигуру власти, – гражданина, или человека, рождённого в синтезе, антитезе раба и господина. То, насколько человек соединяет в себе господство (воин) и рабство (труженник), гражданин созидается как субъект права, моральный субъект, религиозный субъект и пр. [11, с. 307]. В этой системе рассуждений мы получаем продуктивное развитие модели господства с опорой на наследие Гегеля. Кожев фактически возвращается к мысли Аристотеля, который определял гражданина как человека, который участвует в народном собрании и суде. Важно, что гражданин (в отличие от господина) объединяет две добродетели – способности властвовать и подчиняться. Гражданин – это единство властителя и подчинённого, он умеет быть причастным к тому и к другому [2, с. 450–451]. Полис в античности и гражданское общество в капитализме становятся пространством взаимного признания гражданами друг друга.

О трансформации механизмов и субъектов господства и подчинения много пишет Жижек. С его точки зрения, современный капитализм аннулирует классическое господство и подчинение, вытесняя его рыночным обменом и товарным фетишизмом. Схема господства становится сложнее, «превращённое», имея дело с формально свободными субъектами, в капитализме происходит сохранение господства

и подчинения, но в виде «симптома», где общественные отношения людей принимают «форму отношения между вещами» [9, с. 31–32]. Место господина / короля занимает лидер / тоталитарный лидер. Эти субъекты по-разному конституируются. Господство короля является «эффектом символического ритуала», исполняемого подданными, от подвластных «скрыта» иллюзорность их представлений, они рассматривают власть короля как данность, объективируют его. Поэтому такая власть требует внешнего подкрепления, например участия Бога в её производстве. «Как только перформативный механизм, наделяющий его харизматической властью, оказывается разоблачённым, господин своей власти лишается». Тоталитарный лидер действует обратным образом. Он разоблачает символически ритуальную тайну классического господина и заявляет: «Я ваш господин потому, что вы относитесь ко мне как к своему господину» [9, с. 149–150]. Уловка лидера состоит в том, что инстанция, к которой он обращается (нация, класс, народ) и легитимирует его, просто не существует, по Жижеку. И тоталитаризм, и демократия производят указанное перформативное искажение власти. Подвластный – это то, кто всегда поддерживает лидера, а если он вносит в своё отношение критическую дистанцию, то перестаёт быть народом или партией, становясь «врагом народа». Вместе с тем для Жижека любое «подлинное подчинение» представляет собой идеологическую иллюзию, маскирующую brutальное внешнее принуждение [10]. Постметафизическая ирония Жижека представляет собственный взгляд на субъектов, создаваемых в ситуации господства. Современная идеологическая машина производит несколько конструктов «подлинной власти». Идеальным субъектом идеологии выступает простак, или Форрест Гамп – герой одноименного фильма Земекиса. Это субъект неспособный выстроить никакую критическую дистанцию, существуя в режиме автоматизма исполнения приказа. Иное дело конструкт «циник» и «ироник», которые вульгаризируют власть со стороны её непристойной изнанки или принимают в освобождающем презрении несуществование Другого [10].

Современный исследователь господства Агамбен выступает в противовес посылу Этьена Де Ла Бозси в книге «Рассуждения о добровольном рабстве». Французский мыслитель XVI в. парадоксально связывает категории рабства и добровольности, обосновывает тезис о том, что народ сам отдаёт себя в рабство, надевает ярмо, живёт в обстановке беззакония, бесправия, угнетения под властью тиранов. Единственная альтернатива рабству – свобода, где человек не попадает в состояние раба или господина («тирана») [8, с. 52]. Агамбен, напротив, формулирует вопрос о том, что собой представляет повеление, которое не встречает сопротивление? Создавая эскиз «археологии повеления» (*arche* означает как «исток», «начало», так и «повеление», «приказ»), он обнаруживает его глубокий онтологический и исторический смысл (Хайдеггер, Шюрман, Деррида). Эмпирическое выражение повеления – приказ – демонстрирует фундаментальный принцип: власть исчезает не тогда, когда ей перестают подчиняться, но тогда, когда перестает отдавать приказ. Приказ есть перформативный акт власти, который в современных демократических обществах принимает форму «сотрудничества и зачастую форму повеления самому себе». За растиражированным в культуре «Я могу!» кроется «Я даю себе приказ повиноваться!» [1, с. 50, 57].

Обилие ответов на вопрос о субъектах в ситуации власти не отменяет общность тезиса о том, что результатом борьбы за признание является власть.

Труд и мораль как сферы власти-господства

Многообразие субъектов, включённых в производство властных отношений, сопровождается разнообразием в рассмотрении исторических форм, значимых топосов и стратегий власти. Базовыми социальными практиками, связанными с ситуацией господства, выступают труд и борьба (война). Экономика и политика – главные регионы утверждения господства. Вождение и труд располагаются на стороне рабства, а господин соотнесён «с вещью через посредство раба». Маркс в анализе власти-господства идёт дальше, представляя отчуждённый труд как альтернативу капитала. Труд в капиталистическом производстве отчуждает рабочего от его человеческой и родовой сущности через превращение его труда в средство для поддержания существования, тем самым принижая свободу человеческой деятельности. Собственно труд для рабочего становится внешним (отчуждённым от человеческой сущности), принудительным (он удовлетворяет не потребность в труде, а иные потребности подвластного субъекта), принадлежащим другому («утрата рабочим самого себя») [13, с. 90–95]. Как интерпретирует А. Секацкий, диалектика отчуждения представляя труд как лишённый смысла, персональности, достоинства, создаёт «пролетариев как пролетариат». Рабочий не может обрести в одиночку «бытие для себя», но делает это исключительно как класс, решающийся на «отчуждение» и «жертвенность». Экзистенциальный проект «Dasein пролетариата» – новое, революционно-творческое «бытие в признанности», которое было задушено ресентиментом и сочувствием к социальному планктону, радикальный опыт диктатуры пролетариата стал предметом фальсификации [16, с. 185, 194].

Хабермас, обращаясь к ранним работам Гегеля йенского периода, высказывает тезис о том, что такие понятия и сферы сущего, как язык, орудия труда, семья, выступают образцами диалектических отношений, основанных на взаимной интеракции и по-разному выстраивающих связь между субъектом и объектом. В ранних работах йенского периода отношения между трудом, интеракцией, символическим изображением используется для описания диалектики рабства-господства. Взаимосвязь между трудом и признанием (интеракцией) не является автоматической или очевидной, но вплетено в процессы образования духа. Хабермас делает предметом внимания исследование этой взаимосвязи. Опираясь на геге-

левское понимание труда как «делание-себя-вещью», «делание-себя-предметом», он определяет труд как специфический способ удовлетворения инстинктов, приводящий к выделению духа из природы. В орудиях труда, как воплощении опыта раба (работающего) при встрече с предметом своего усилия, субъективность труда возвышается по «всеобщего». Обмен продуктами, созданными работающими, и обобществлённый характер труда создают абстрактный труд, где произведённое благо приобретает форму меновой стоимости и абстрактной ценности, а их эквивалентный обмен становится образом взаимности отношений, интеракции (признания). Институциональная форма такого рода отношений определяется Хабермасом как договор [19, с. 25–26, 35].

Господство укореняется в процессы труда не только за счёт того, что раб становится утраченной свободой, в удел которому достаётся инструментальное овладение природой. По Хабермасу, труд и борьба за признание взаимосвязаны сложнее. Труд работающего освобождает его от диктата природы, следовательно, в этом процессе есть момент эмансипации, освобождения от власти природы как с внешней, так и с внутренне стороны. При этом признание и труд не растворены друг в друге, но представляют собой два самостоятельных процесса. Освободительный потенциал труда конституирует «хитрое сознание» и проникает в нормы. Раб одностороннее признаёт власть господина, сам же через труд приобретает власть над природой. В этой схематизации взаимность признания достигается через обратное воздействие технического успеха труда на отношения «политической зависимости» раба от господина [19, с. 36–37]. По мнению Хабермаса, Маркс развивает гегелевское видение и исследует исторические формы изменения общественного труда, эксплицируя инстанции экономического и политического господства. В этой системе категорий труд рассматривается как инструментальное действие, располагающееся между установлением власти над природой, с одной стороны, и институтами, регулируемыми интеракции, – с другой. Господство выстраивается по модели производства вне зависимости от сферы его применения: «Инструментальное действие становится парадигмой для создания всех категорий» [19, с. 48].

Если Маркс осуществил критику отчуждения и эксплуатации как инструментов капиталистического господства, то Ницше берет на себя миссию апологии господина. Онтолого-метафизическое осмысление господства-над и владительство было осуществлено через категории воли к власти, силы, вечного возвращения, сверхчеловека. Господство – это не сфера политики, войны и труда, но, прежде всего, это сфера бытия, познания, искусства. Да и сама философская позиция Ницше ангажирована смысловой установкой господства. Это убедительно показывает фундаментальная работа Хайдеггера «Ницше». В рамках нашего исследования существенны антропологические аспекты господства, что в наибольшем объёме выражает себя через обращение к генеалогии морали и осмыслению добродетели в контексте воли к власти. Мораль и антропологический образ господина, владителя, воина противостоит рабу, обществу, простолудину. Разные антропологические модели господства-рабства исследованы Ницше на обширном историческом фоне европейского нигилизма и *ressentiment* («восстание рабов в морали»). Мораль рабов укорена во внешнем, мораль господина свободна, спонтанна, произрастает из самоутверждения, распоряжается добродетелью по своей воле [15, с. 420–425]. Господство – территория свободы, где владитель способен сказать себе «ты должен», где он – хозяин своего Я и своих добродетелей. «Воспитание добродетелей владителя» описывается Ницше в категориях войны, смерти, жертвы, насилия и хитрости, одиночества [14, с. 611], тем самым изживается идеал западноевропейской культуры – образ мудреца, сформированный в истории философии.

Моральное измерение власти и признания анализируется в работах А. Хоннета. Базовой социально-философской концепцией представителя третьего поколения Франкфуртской школы выступает теория свободы как intersubjectively сформированной в актах взаимного признания. Развитие практического отношения к себе возможно только тогда, когда субъект научился смотреть на себя с нормативной точки зрения своих партнеров по взаимодействию как их социальный адресат. Хоннет выделяет три формы признания (в виде фундаментальных моральных установок, которые обеспечивают формирование идентичности): любовь, моральная ответственность, солидарность [20, с. 102–103]. Любовь как форма признания способствует базовой уверенности в себе, которая репрезентируется в самоуважении и самооценке. Моральная ответственность как форма признания реализуется в опыте вменяемости, правоспособности, социально-политических правах. Этот тип морального признания имеет не только субъективное, личностно-индивидуальное, но также и институциональное измерение. Она рациональна и способствует самоуважению. Третья форма признания – солидарность – intersubjectively и способствует развитию способностей субъекта и оценке его достижений.

Хоннет с помощью метода нормативной реконструкции раскрывает существование, общие нормы и ценности, которые регулируют как определённую институциональную область (например семья, право, экономика), так и обратное движение по выявлению тех социальных практик, которые влияют на практическое применение норм и ценностей. Когда это взаимное и встречное движение норм / ценностей и институтов адекватно реализованы в обществе, то философ говорит о «моральном прогрессе». Таким образом, Хоннет расширяет модели признания до уровня социальных институтов, рассматривая то, как моральные обязательства и нормативные ожидания субъектов возникают в разных институтах (политическом представительстве, юридических практиках и пр.). Успешность актов взаимного признания

определяется их позитивностью (исключают дискриминацию и придают ценность субъектам / группам), доверием (укрепляют самооценку), контрастивны (наделяют адресата чувством отличия) [22]. Существование, что теория морального признания имеет значительный эвристический потенциал не только для философии, социологии, этики, но и практико-ориентированных дисциплин типа управления персоналом (HRM), где также противопоставляют модели управления человеческими ресурсами, оргкультуры по модели «овеществления» и модели «признания», последняя, очевидно, укрепляет трудовые отношения и позитивно влияет на «достоинство работника». В начале XXI в. исследователи пишут о том, что признание на рабочем месте, в трудовых практиках должно обеспечить основу «признания как нормативного требования». Необходимо академические и политические рассуждения о благополучии работников пополнять идеями морального признания, работать над признанием социальной легитимности достоинства работника, этической состоятельностью, которая становится всё более уязвимой в современном обществе [21].

Выводы

Конфликт властных субъектов (господина и раба) имеет не только онтологические основания, но также нормативно-этическое и историко-культурное измерение. Многие представители критической теории полагают, что отношения признания, включённые в контекст диалектической борьбы, не predetermined, но постоянно переосмысливаются, изменяются, пополняются. Продуктивная сила социального конфликта, будучи «двигателем нравственного прогресса», «делает общество лучше» [4, с. 6–7]. Концептуализируя человеческое действие как ситуацию власти, можно говорить о том, что метафизика, парадигма, мораль признания выступают способом «смягчения» одиозных черт господства, ставших предметом философской критики, начиная с античности. Признание как пространство и оборот взаимного производства достоинства наполняет анализ власти нравственным содержанием, позволяет преодолеть герметичную автономность властного экзистирования. Соединение антропологического аспекта властис-господства и практик признания в рамках критической теории современного капитализма позволяет рассмотреть трудовую деятельность морально-нормативное регулирование отношений властных субъектов (господин / раб, гражданин / трудящийся и др.) позволяет обнаружить связь между социальным признанием, автономией, свободой и экономической деятельностью.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. Что такое повелевать? / Дж. Агамбен ; пер. М. Лепиловой, Б. Скуратова. – Москва : Грюндриссе, 2013. – 73 с.
2. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Собр. соч. : в 4 т. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 375–644.
3. Бурдьё, П. О символической власти / П. Бурдьё // Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – С. 87–96.
4. Ван ден Бринк, Б. Парадигма признания в социальной философии / Б. Ван ден Бринк // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2014. – № 2 (128). – С. 5–14.
5. Вебер, М. Типы господства / М. Вебер. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (дата обращения: 02.12.2021).
6. Гегель, Г. В. Ф. Система нравственности / Г. В. Ф. Гегель // Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. – Москва : Наука, 1978. – С. 277–368.
7. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. Г. Г. Шпета. – Москва : Наука, 2000. – 495 с.
8. Ла Бозси, Э. де. Рассуждение о добровольном рабстве / Э. де Ла Бозси ; пер. с фр. Ф. А. Коган-Бернштейн. – Москва : АН СССР, 1952. – 200 с.
9. Жижек, С. Возвышенный Объект Идеологии / С. Жижек. – Москва : Художественный журнал, 1999. – 237 с.
10. Жижек, С. От симптома Дрейса к симптому власти / Ж. Жижек. – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2001_05.htm (дата обращения: 05.06.2021).
11. Кожев, А. Очерки феноменологии права / А. Кожев // Кожев А. Атеизм и другие работы / пер. с фр. А. М. Руткевича и др. – Москва : Праксис, 2006. – С. 295–322.
12. Кожев, А. Понятие власти / А. Кожев. – Москва : Праксис, 2006. – 192 с.
13. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Москва, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
14. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883-1888 годов в редакции Элизабет Ферстер-Ницше и Петера Гаста) : пер. с нем. / Ф. Ницше. – Москва : Культурная революция, 2016. – 824 с.
15. Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Ницше, Ф. Соч. : пер. с нем. : в 2 т. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 1. Литературные памятники / сост., ред. изд., вступ. ст. и прим. К. А. Свасьяна. – С. 407–524.
16. Секацкий, А. Миссия пролетариата : очерки / А. Секацкий. – Санкт-Петербург : Либус-Пресс, 2016. – 496 с.
17. Соловьева, С. В. Власть и человек: экзистенциальный смысл власти / С. В. Соловьева // Вестник Самарского государственного университета. – 2010. – № 7 (81). – С. 132–136.
18. Соловьева, С. В. Экзистенциальное измерение политического / С. В. Соловьева // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 5 (96). – С. 101–107.
19. Хабермас, Ю. Труд и интеракция. Заметки о гегелевской «философии духа» йенского периода / Ю. Хабермас // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М. Л. Хорькова. – Москва : Праксис, 2007. – С. 8–49.

20. Хоннет, А. Между Аристотелем и Кантом: очерки морали признания / А. Хоннет ; пер. с нем В. Шачина // Хора. – 2008. – № 4. – С. 91–105.
21. Islam, G. Recognition, Reification, and Practices of Forgetting: Ethical Implications of Human Resource Management / G. Islam // Journal of Business Ethics. – 2012. – Vol. 111. – P. 37–48. – DOI: 10.1007/s10551-012-1433-0.
22. Visser, M. Recognition and Work in the Platform Economy: a Normative Reconstruction / M. Visser, T. C. Arnold // Philosophy of Management. – 2021, 20 March. – Vol. 20, iss. 1. – DOI: 10.1007/s40926-021-00172-2.

References

1. Agamben, Dzh. *Chto takoe povelevat?* [What is command?]. Moscow, 2013, 73 p.
2. Aristotel. Politika [Politics]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Mysl Publ. house; 1983, vol. 4, pp. 375–644.
3. Burde, P. O simvolicheskoy vlasti [On symbolic power]. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow, St. Petersburg, 2007, pp. 87–96.
4. Van den Brink, B. Paradigma priznaniya v sotsialnoy filosofii [The Recognition Paradigm in Social Philosophy]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 3 "Obshchestvennye nauki"* [News of the Ural Federal University. Series 3 "Social Sciences"]. 2014, vol. 2 (128), pp. 5–14.
5. Veber, M. *Tipy gospodstva* [Types of domination]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (accessed: 02.12.2021).
6. Gegel, G. V. F. Sistema npravstvennosti [Morality system]. *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Moscow: Nauka; 1978, pp. 277–368.
7. Gegel, G. V. F. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the Spirit]. Moscow: Nauka; 2000, 495 p.
8. La Boesi, Je. de. *Rassuzhdenie o dobrovolnom rabstve* [Discourse on voluntary slavery]. Moscow: AS USSR Publ. house; 1952, 200 p.
9. Zhizhek, S. *Vozvyshennyi Obekt Ideologii* [Sublime object of ideology]. Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal Publ. house; 1999, 237 p.
10. Zhizhek, S. *Ot simptoma Dzhoyse k simptomu vlasti* [From the symptom of Joyce to the symptom of power]. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2001_05.htm (accessed: 06.03.2021).
11. Kozhev, A. Ocherki fenomenologii prava [Essays on the phenomenology of law]. *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and other works]. Moscow: Praxis Publ. house; 2006, pp. 295–322.
12. Kozhev, A. *Ponyatie vlasti* [The concept of authority]. Moscow: Praxis Publ. house; 2006, 192 p.
13. Marks, K., Engels, F. *Sochineniya*. [Compositions]. Moscow, 1974, vol. 42, pp. 41–174.
14. Nitsche, F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostey (chernoviki i nabroski iz naslediya Fridrikha Nitsche 1883–1888 godov v redaksii Elizabet Ferster-Nitsche i Petera Gasta)* [The will to power. The experience of reassessing all values (drafts and sketches from the legacy of Friedrich Nietzsche 1883–1888, edited by Elisabeth Förster-Nietzsche and Peter Gast)]. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya Publ. house; 2016, 824 p.
15. Nitsche, F. *K genealogii morali* [To the genealogy of morality]. *Sochineniya: v 2 tomah* [Compositions: in 2 vol.]. Moscow: Mysl Publ. house; 1990, vol. 1, pp. 407–524.
16. Sekatskiy, A. *Missiya proletariata: Ocherki* [Mission of the Proletariat: Essays]. St. Petersburg: Libus-Press Publ. house; 2016, p. 496.
17. Soloveva, S. V. Vlast i chelovek: ekzistentsialnyy smysl vlasti [Power and man: existential meaning of the power]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University]. 2010, vol. 7 (81), pp. 132–136.
18. Soloveva, S. V. Ekzistentsialnoe izmerenie politicheskogo [The existential dimension of political]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University]. 2012, vol. 5 (96), pp. 101–107.
19. Khabermas, Yu. Trud i interaktsiya. Zаметki o gegelevskoy "filosofii dukha" enskogo perioda [Labor and interaction. Notes on Hegel's "Philosophy of the Mind" of the Jena Period]. *Tekhnika i nauka kak "ideologiya"* [Technology and science as "ideologies"]. Moscow: Praxis Publ. house; 2007, pp. 8–49.
20. Khonnet, A. *Mezhdou Aristotelem i Kantom: ocherki morali priznaniya* [Between Aristotle and Kant: essays on the morality of confession]. *Khora*. 2008, vol. 4, pp. 91–105.
21. Islam, G. Recognition, Reification, and Practices of Forgetting: Ethical Implications of Human Resource Management. *Journal of Business Ethics*. 2012, vol. 111, pp. 37–48. DOI: 10.1007/s10551-012-1433-0.
22. Visser, M., Arnold, T. C. Recognition and Work in the Platform Economy: a Normative Reconstruction. *Philosophy of Management*, 2021, vol. 20, iss. 1. DOI: 10.1007/s40926-021-00172-2.

Информация об авторе

Соловьёва С. В. – доктор философских наук, доцент.

Information about the author

Solovyova S. V. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 19.01.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 28.03.2022.